

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

12. Лян Юаньдун, ук.соч.
13. В.Н.Ткачев. Каракорум в XIII в. - В кн.: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884-1931). Москва, 1986, с. 219-232.
14. А.Г.Малаякин. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск, 1983, с. 184.
15. Там же.
16. Фэн Цзяшэн. Юань дай вэйвур вэнь циюэ эр чжун. - Лиши яньцзю, 1954, № I, с. 119.
17. K.A.Wittfogel and Feng Chia-sheng. Op.cit., p. 634.
18. Г.Е.Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. I, Ленинград. 1926, с. 394.
19. Малаякин, Уйгурские государства..., 1983, с: 184.
20. Фэн Цзяшэн, ук.соч.
21. Грумм-Гржимайло, ук.соч., с. 397.
22. М.В.Воробьев. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. - 1234 г.). М., 1983, с. 336.
23. В.В.Бартольд. Киргизы. Исторический очерк. - Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963, с. 502.

Н.А.Дулина

ОБ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ТАНЗИМАТА (1839-1878 гг.)

1. Большая часть жизненно необходимых уголовных норм не была упомянута в Коране и сунне, поэтому недостающие разрабатывались законооведами уже в первые века ислама, а позднее в Османской империи продолжали пополняться канунами султанов.

2. Мусульманская государственно-правовая доктрина допускала введение правовых изменений. Мусульманские юристы считали, что так как правила поведения по тем вопросам, которые не урегулированы Кораном и сунной, сформулированы людьми и не гарантированы от ошибочных суждений, то они могут заменяться другими суждениями.¹

3. В трудах средневековых мусульманских законоведов приводились мнения всех юристов, принадлежавших к одному мазхабу, о важных деталях правонарушений и о соответствующих наказаниях, даже если они не дополняли друг друга, а являлись противоречивыми. Все мнения признавались действительными. Каждый выбирал при решении дела ту норму, которая представлялась ему наиболее подходящей. Прямая отмена устаревших норм, даже не соответствовавших но-

вым потребностям, не практиковалась.

4. Средневековое уголовное мусульманское право содержало и такие нормы, которые не согласовывались с законами шариата. Это произошло потому, что кадийские (шариатские) суды не имели реальной возможности эффективно бороться с преступными элементами — строгие правила шариата не позволяли прибегать к такой практике ведения дела, которая по средневековым представлениям была необходима для эффективной борьбы с преступностью.² Например, шариат запрещал принимать свидетельства недостаточно уважаемых лиц, запрещал пытки и другого рода насилия во время следствия и суда. Чтобы подавить преступность уже в первые века ислама были созданы административные суды. Такие суды существовали и в Османской империи наряду с судами шариата. К ним и были в основном обращены кануны султанов. Принцип светского законодательства состоял в признании аксиомы: "каждая мера, к которой прибегал султан, соответствует общественной пользе, требованию времени и шариату". Поясняя это противоречие (то есть признание законодателями некоторых вводимых ими норм права соответствующими шариату, тогда как на самом деле они ему противоречили), известный турецкий историк О.Л.Баркан подчеркивал, что "в Османской империи господствовали дух, методы и терминология теоретической системы права, существовала неосознанная потребность оправдать законами шариата обычное право и светские учреждения".³

5. Шейхульисламы почти никогда не объявляли постановления султанов не имеющими силы по причине несоответствия шариату. Они издавали свои фетвы главным образом для того, чтобы сделать канун более понятным и приемлемым для кадиев, муфтиев и других официальных лиц. Если же шейхульислам признавал какой-либо канун противоречившим шариату, то имел право указать на это не кадиям, а только самому султану и в этом случае требовал от него, чтобы султан послал свое решение и приказ кадиям.⁴

6. Исследователи мусульманского права отмечают, что до XIX в. оно в значительной мере носило казуальный характер. Вместе с тем, уже в первые века ислама мусульманские законоведы стали разрабатывать и доктрину права, то есть общие положения, пригодные и необходимые для всех его категорий.⁵ Однако османское законодательство так "никогда и не смогло достичь форм и совершенства современных законов".⁶ Потому сохранившиеся до наших дней средневековые канун-наме являются как бы неполными или дефектными. Повидимому полных собраний законов в средние века не существовало.

7. Перечисленные особенности мусульманского средневекового

права в определенной степени сохранились и в праве Танзимата. Например, в уголовных законах 1840, 1851 и 1858 гг. почти нигде не упоминалось об отмене каких-либо устаревших норм.⁸ Во всех уголовных законах Танзимата отмечалось, что шариат является основой канонов. Первые два закона (1840 и 1851) были весьма неполными. Заметная неполнота этих законов повидимому и объяснялась тем, что законодатели рассматривали их как дополнение к уже существовавшим юридическим нормам.

8. Вышеназванные особенности мусульманского права свидетельствуют о том, что оно, и прежде всего уголовная категория права, не была застывшей догмой и менялась в соответствии с требованиями времени, хотя и оставалась тесно связанной с мусульманской религией. В период Танзимата законодательная деятельность активизировалась и сопровождалась многими заметными и важными новшествами.

9. Основной целью реформ Танзимата было создание благоприятных условий для развития капиталистических отношений (обеспечение безопасности жизни, личности и собственности) при одновременном сохранении многих традиционных институтов, характерных для государственного феодализма.

10. Вместе с тем во всех актовых источниках Танзимата отсутствовала четкая формулировка понятия безусловной неограниченной (=буржуазной) частной собственности. Сохранившаяся традиционная терминология позволяла трактовать термины собственности (маль, эмляк) двусмысленно: и как формы собственности, присущие государственному феодализму, и как собственность буржуазную. Борьба, главным образом в правящей среде, за существование собственности безусловной и неограниченной ("неразделенной") велась на протяжении всего периода Танзимата и проявлялась в том числе в решении конкретных судебных дел.⁹ Отсутствие четкости в разъяснении и, отчасти, в понимании этого важного теоретического и практического вопроса было одной из причин двойственного характера реформ Танзимата.

11. В уголовном законодательстве Танзимата (как и в других категориях права) сказалось влияние европейского буржуазного права. Многие деятели той эпохи считали, что принципы мусульманской юриспруденции можно приспособить к нуждам времени. Однако при примирении традиционной идеологии с европейской законодатели встречались с большими трудностями¹⁰ и с сопротивлением консервативных слоев.¹¹

12. Анализ уголовных законов Танзимата показывает, что классификация права, то есть более узкое и точное разделение его

категорий по примеру европейского, совершенствовалась постепенно. Если в уголовном законе 1851 г. еще встречаются статьи, которые имели отношение к законодательству административному и судебному, а также к религиозной морали, то уголовный закон 1858 г. очищен от таких статей. Совершенствовалось и содержание кодексов: перечень правонарушений и наказаний становился все более полным. Например, закон 1840 г. содержал в себе только 32 статьи, закон 1951 г. - 43 статьи, а закон 1858 г. - 264. В последнем кодексе были даны разъяснения встречающихся в тексте правовых терминов, в том числе отмечена разница между преступлениями, правонарушениями и проступками, а также названы обстоятельства, которые могли смягчить или ужесточить наказание. В прежних уголовных кодексах Османской империи все эти важные детали законодательства отсутствовали. В первом уголовном кодексе 1840 г. встречались повторы, которые впоследствии были устранены.

13. Уголовные законы Танзимата содержали как бы две категории конкретных норм, которые, с одной стороны, утверждали принципы, свойственные буржуазному законодательству, с другой - сохраняли ряд традиционных положений дотанзиматского уголовного права, а также умолчаний, которые оставляли возможность для посягательств на безопасность жизни, собственности и неприкосновенности личности.

Из вновь принятых прогрессивных норм в качестве примеров можно назвать такие: а) было провозглашено равенство перед законом лиц всех вероисповеданий, тогда как ранее в кадийских судах предпочтение оказывалось мусульманам, б) была установлена обязательность следствия и суда, тогда как до Танзимата, например, многие сановники были осуждены на смерть без следствия и судебного разбирательства, в) все смертные приговоры отныне зарешалось приводить в исполнение без утверждения их султаном. Это решение было направлено против самовольных казней в провинциях, г) были введены суровые наказания за взяточничество и началась энергичная борьба с этим злом, которая стала возможной после назначения фиксированного государственного жалованья чиновникам в 1838-1840 гг., д) были объявлены преступниками чиновники полиции, виновные в смерти или в увечьи пытаемых, е) стали подвергаться наказанию за оскорбление личности высокопоставленные лица: чиновники и священнослужители, а также представители армии и полиции.

Из традиционных норм, противоречивших гарантиям безопасности жизни, чести и собственности, заслуживают упоминания три: а) мягкие наказания за открытый захват чужого имущества (который

в обычном праве носил название гасп); причем даже снисходительное наказание назначалось лишь в том случае, когда захваченное имущество после какого-то периода пользования захватчиком не возвращалось; или, если он не соглашался компенсировать его стоимость. По-видимому, снисходительность уголовных законов Танзимата к этому правонарушению поощряла влиятельных и состоятельных лиц обманым путем отбирать земельные наделы крестьян и создавать на них свои хозяйства полукапиталистического типа, хотя сосредоточение крестьянских наделов в одних руках противоречило земельному праву Османской империи (этот запрет был зафиксирован в статье 130 земельного закона 1858 г.); б) уголовный закон 1851 г. свидетельствует о сохранении принципа сиясетен,¹² то есть осуждения лиц, подозревавшихся в тяжких преступлениях (убийстве, восстании) без наличия доказательств и с применением пыток. В законе 1858 г. термин сиясетен не упомянут, однако признана практика пыток. Так как пытки были запрещены шариатом и практиковались лишь полицейскими органами, подчинявшимися администрации, то можно предположить, что система сиясетен была сохранена и после 1851 г.; в) также с некоторым сомнением можно предположить, что и после 1851 г. сохранился принцип теваюрэн,¹³ то есть осуждение предполагаемого виновника преступления лишь при одном условии, что виновным его считает большая группа лиц, молва, хотя свидетелей преступления нет. В уголовном законе 1851 г. этот принцип упомянут, а в законе 1858 г. не назван. О его отмене указания нет.

14. Текст уголовного закона 1840 г. предваряется кратким хаттом султана, в котором он напоминает о своей клятве и клятве сановников следовать принципам Гольханейского хатта 1839 г. Хотя высокое и исключительное положение главы османского государства, а также отсутствие реальных возможностей у деятелей Танзимата как-то ограничить законодательные и исполнительные прерогативы султана не позволило им в текстах законов говорить об ограничении власти султана, однако современники Танзимата свидетельствовали, что границы султанского самовластия были установлены¹⁴ (путем самоограничения).

15. Уголовное законодательство Танзимата соответствовало характеру государственного строя Османской империи, то есть переходному периоду от государственного феодализма к капитализму. Частная (безусловная, "неразделенная", то есть буржуазная) собственность не была полностью защищена законом, так как государство стремилось сохранить свое право верховной собственности на землю и препятствовало развитию буржуазной частной собственности налого-

вой политикой. Двойственное отношение правящего сословия к буржуазной частной собственности сказалось и в уголовном праве этого периода.

-
1. Л.Р.Сюкияйнен. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986, с. 87-88, 90-91, 200-201.
 2. U.Heyd. Studies in Old Ottoman Criminal Law. Oxford, 1973, p. 1-3, 180, 190-191.
 3. O.L.Barkan. XV ve XVI-ıncı asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda ziraî ekonominin hukukî ve malî esasları. I. cilt. Kanunlar. İstanbul, 1943, s. XIII.
 4. U.Heyd, Studies, pp. 174, 186-187.
 5. См. напр. Л.Р.Сюкияйнен, Мусульманское право, с. 24-26, 87, 200.
 6. O.L.Barkan. Türk toprak hukuku. - Tanzimat. İstanbul, 1940, s. 52 (страница указана в соответствии с раздельной пагинацией для каждой статьи).
 7. Тексты уголовных кодексов Танзимата см.: Kanunlar. İstanbul, 1256(1840/41); R.Каунар. Mustafa Resit paşa ve Tanzimat. Ankara, 1954, s. 303-312; Mecmuai kavanin ve nizamât. İstanbul, 1267(1851), s. 128-142; Düstur. Bulak, 1281(1865/66), s. 2-70. В статье 10 главы III-й уголовного кодекса 1851 г. говорилось о полной отмене штрафов. В соответствии с законом 1858 г. штрафы вновь широко применялись. О причинах возврата этой меры наказания пояснения отсутствуют.
 8. См. O.L.Barkan. Türk toprak hukuku, s. 94, not 47 (страница указана в соответствии с раздельной пагинацией для каждой статьи).
 9. Например, трудности имели место при разъяснении широким слоям населения принципа равенства перед законом мусульман и немусульман, так как такое равенство противоречило шариату. В османистической литературе уголовный закон 1858 г. расценивается как калька с кодекса Наполеона. Однако некоторые статьи закона явно сохраняли местные традиции (напр., дополнение к статье 19, статьи 110, 172, 181, 183 и др.). Издатель французского перевода уголовного закона 1858 г. Г.Юнг отметил, что расхождения между французскими и османскими статьями соответствующих кодексов столь значительно, что составить их полный конкорданс оказалось невозможно (см. G.Young. Corp de droit ottoman. Vol. VII. Oxford, 1906, p. I, not I).
 10. O.L.Barkan. Caractère religieux et caractère seculier des

institution ottomanes. - Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire Ottoman. Paris, 1983, p. 55.

12. О термине сиясетен см. U. Heyd, Studies, p. 192-194.

13. О значении термина тевавторен (или тевавтор) см.: M. Karavokirus. Lûgatı kavanını osmaniye. Cilt I. Istanbul, 1310(1894), s. 211-212; Türk hukuk lûgatı. Ankara, 1944, s. 229; Mecellei ahkâmı adliye. Dersaadet, 1305(1887/88), статьи 1677, 1699, 1732, 1733.

14. Обязанность следовать принципам Гюльханейского хатта не признавал "кровавый султан" Абдульхамид. С его воцарением и отменной конституции в 1878 г. период Танзимата завершился.

М. Е. Ермаков

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ - ЖИТИЕ

(буддийский монах в "Гао сэн чжуань" и "Мин сян цзи")

В письменном наследии китайского буддизма представлена обширная литература, повествующая о буддийских исторических деятелях. Более тысячи пятисот биографий насчитывается в литературном ряду "Сы чао гао сэн чжуань" (Жизнеописания достойных монахов четырех династий), включающем "Гао сэн чжуань" (Жизнеописания достойных монахов) Хуэй-цзяо (497-554), "Сюй гао сэн чжуань" (Продолженные жизнеописания достойных монахов) Дао-сюаня (596-667), "Сун гао сэн чжуань" (Сунские жизнеописания достойных монахов) Цзань-нина (919-1001) и "Да-Мин гао сэн чжуань" (Великоминские жизнеописания достойных монахов) Жу-сина (XIII в.). Эта литература, хотя и несет на себе некоторый отпечаток житийного свойства, но по сути и основному содержанию предстает все же литературой исторической, ориентированной на достоверное историческое событие.¹

Вместе с тем, литература, повествующая о деятелях китайского буддизма, вовсе не исчерпывается жизнеописаниями подобного содержания. Историческим деятелям китайского буддизма посвящены, в частности, многие сюжеты буддийских "сяшо", послуживших одним из источников "Гао сэн чжуань" Хуэй-цзяо.²

Становление "сяшо" приходится на период все возрастающего влияния буддизма в китайской духовной жизни. Буддийские темы и образы, персонажи и реалии со временем проникают в литературу "сяшо", отчетливо прослеживаются в таких классических ее образцах, как "Ши шо синь юй" (Новое изложение рассказанного в миру)